

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Мартьянова Виктора Сергеевича на тему «Историческое становление и трансформация политического нарратива модерна», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – история и теория политики.

Если считать со времени написания известного текста М.М. Щербатова, то тема «повреждения нравов» как следствия несоблюдения традиционных ценностей насчитывает более двухсот лет, хотя ее можно начинать и от Филофея. Во второй половине XIX века (после публикации книги Н.Я. Данилевского) к этой теме добавилась тема «самобытности» Российской империи. Споры о том и другом длятся более двухсот лет. Однако большинство из них опирается на политическую конъюнктуру, мировоззренческие и философские предпочтения, литературные пристрастия, высказывания авторитетов, традицию разговоров об отвлеченных предметах и т.п. Что же останется от споров, если исключить влияние перечисленных факторов на их тематику?

В любом случае научные исследования, которые ставят под вопрос сами основания споров или хотя бы объясняющие взаимосвязь между повреждением нравов, традиционными ценностями и самобытностью России на протяжении последних двухсот лет находятся на периферии общественного внимания. О них не упоминают в СМИ. Редко обсуждают на форумах и конгрессах.

Например, на протяжении последней сотни лет в России сложилось пять версий отечественной истории – государственническая, либеральная, националистическая, цивилизационная, постколониальная. Ни одну из них невозможно опровергнуть на основе изучения исторических источников. Значит, истинность всех примерно одинакова, каждая имеет право на существование. Однако в практику школьного образования внедрена обновленная версия учебника «государственной школы», в котором история России рассматривается как безальтернативный процесс превращения Московского княжества в Российскую империю и Советский Союз. Значит, власть сознательно сужает интеллектуально-политические горизонты населения и подрастающих поколений¹.

Кроме того, под влиянием *цветных революций* власть начала культивировать отрицательную оценку революций, хотя сами ее представители признают, что «экспорт цветных революций – наша

---

¹ См.: Курилла И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. – М.: Альпина-Паблишер, 2022

кремлевская пропагандистская выдумка»². На протяжении последних тридцати лет в России пропагандируется контрреволюционная идеология, которая проявляется во внешней политике и внутривластной риторике, и (по мнению официальных лиц) соответствуют государственным интересам страны. На деле стране и миру предлагается архаичная версия политического господства³, что подтверждено конкретно-социологическими исследованиями⁴. Поэтому требуется разработка новых концепций, которых ставят под вопрос традиционные споры и предлагают научное знание об обществе и политике.

Труд В.С. Мартянова движется в этом русле. С точки зрения научной биографии автора диссертация завершает одну из фаз становления интересного и продуктивного исследователя и публициста. В ней резюмировано несколько разделов его интеллектуального и организационного творчества.

Эвристические достоинства диссертации определяются ее целью – реконструкцией ценностно-институциональных оснований Модерна для создания модели легитимации современного политического порядка и аргументации необходимости его изменений. Отсюда вытекают задачи, определяющие структуру исследования: анализ исторических и ценностных факторов генезиса политического нарратива Модерна (далее ПНМ); его основных теорий, понятий и ценностей; противоречий изменений и революций, легитимирующих и опровергающих ПНМ; динамики и эволюции политической онтологии современного общества; теоретической и моральной критики ПНМ; закономерностей изменения и легитимации ценностных основ нарратива позднего Модерна; направлений его дальнейшей трансформации в контексте кризиса западной политологии; потенциала глобальных вызовов Модерну, связанных с изменением социальных структур, принципов политической регуляции и дифференциации способов распределения ресурсов.

Поставленная цель и производные от нее задачи свидетельствуют о выборе автором синтетического подхода к анализу темы. В предмет обобщения входит множество теорий предельной (или большой) степени общности, в которых обсуждаются история, онтология, гносеология,

---

² См.: Крастев И. Экспериментальная родина. Разговор с Глебом Павловским. – М.: Европа, 2018, с.249

³ См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд.2-е, доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2010

⁴ См.: Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / С. Г. Айвазова, А. В. Жаворонков, Г. Л. Кертман, А. Л. Королев, А. М. Кучинов, О. А. Мирясова, И. Л. Немяк, Ю. Е. Островская, Т. В. Павлова, С. В. Патрушев; Л. Е. Филиппова; под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой. – М.: Политическая энциклопедия, 2020

аксиология и футурология ПНМ. Все они позволяют обосновать ключевой тезис диссертации: у наличного ПНМ альтернатив нет.

Однако дисциплинарный критерий порождает вопрос: почему в работе не используются результаты исследования нарратологии – научной дисциплины, изучающей пределы и особенности применения нарративов при анализе различных сфер, в данном случае – политики? Ведь далеко не все политические теоретики и исследователи политики считают концепт нарратива универсальным средством обсуждения политических проблем. Да и в самой политической сфере применение нарративов определяется той функцией (или ролью), которую выполняет конкретный политолог в конкретной ситуации⁵. Одно дело, когда мы выступаем в роли историков политики того или иного государства и его сфер, и совсем другое – когда от нас требуется высказать компетентное суждение при принятии конкретного решения в условиях ограниченности средств и недостатка времени.

Я думаю, обсуждение специфики политического языка в его соотношении с обыденным языком и языком социальных наук помогло бы усилить концепцию автора. Достоинство исследования В.С. Мартьянова состоит в том, что оно позволяет поставить и обсудить эту проблему.

Ключевой тезис диссертации аргументируется множеством выводов, свидетельствующих о ее проблемно-образующей ценности. Надо погрузиться в предлагаемую автором дискуссию. Но обсудить в пределах отзыва все поставленные в диссертации конкретные проблемы невозможно. Поэтому выскажусь только по некоторым – в пределах тезисов, выносимых на защиту.

Буду исходить из постулата аналитической политической философии: сущностная спорность (оспариваемость) – свойство всех суждений, концептов, понятий, претендующих на социально-политическое знание и оценку. В применении к выводам диссертации можно сказать, что каждый из них требует принимать в расчет множество теорий по каждому затронутому предмету и теме. Естественно, эта констатация уводит в бесконечность, но одновременно позволяет прояснить глубину авторского анализа и развиваемой концепции.

Например, автор пользуется концептом пост-традиционного общества, связанного со становлением капиталистической мир-системы в версии И. Уоллерстайна. Однако в современной теории традиции описаны три ее механизма (передача, давление прошлого на настоящее, оценка прошлого с позиции настоящего). С этой точки зрения никакого пост-традиционного общества до сих пор не существовало, поскольку оно невозможно в

---

⁵ См.: Розин В.М. Гуманитарные и нарратологические исследования. – М.: URSS, 2023

принципе. Поэтому требуется критика мир-системного подхода, в котором один из аспектов традиции противопоставляется остальным. Вряд ли надо доказывать, что это влечет за собой логическую и методологическую ошибку. Проблема типологии политических следствий данной ошибки требует особого анализа.

Диссертант полагает, что по скорости социальных перемен историческая трансформация современного общества была революцией низкой интенсивности. Возникает вопрос: каков критерий для измерения интенсивности революций? Мне кажется, здесь не помешало бы использовать выводы сравнительного анализа Т. Скочпол революций во Франции, России и Китае. Она показала воспроизводство аграрной бюрократии в революционном процессе данных стран. Наиболее известные революции XVIII-XX вв. были результатом бюрократической реакции (реформы или «революции сверху») на модернизацию. Аграрные бюрократии создают возможность для радикалов организовать народ и руководить его недовольством. Революционеры-радикалы связаны с бюрократической централизацией любой страны. Их цель совпадает с целью традиционных бюрократов: расширение и рационализация центральной государственной власти. В итоге революция из способа освобождения человека превращается в средство его закабаления. В языке К. Виттфогеля этот процесс квалифицируется как всемирно-историческая трагедия, начало которой положено Октябрьской революцией в России, вожди которой создали аппаратное государство. В мир-системной концепции данная характеристика всемирной истории тоже не учитывается.

Виктор Сергеевич считает, что в перспективе ПНМ потребуются не дискурсы ремонта, излечения от травм, возврата к этике добродетели и консервации универсальной модели Модерна, а способность конструировать универсальные этико-политические основания собственного существования. Между тем И. Берлин показал, что практическая жизнь есть постоянный конфликт язычества и христианства. Хотя конфронтация между ними отвергнута Макиавелли еще в начале Нового времени, политики до сих пор поступают по его рецептам. Само государство как аппарат насилия воспроизводит языческие добродетели в виде чрезвычайных методов. Поэтому антитеза христианской морали и политической необходимости ложная. Политика не выходит за пределы добра и зла, а воспроизводит конфликт языческой и христианской морали. В итоге любой конфликт языческих и христианских ценностей может принять форму войны. При этом язычество может существовать в оболочке христианства, а христианство воплощать языческие ценности.

Постсоветская политика и официальное православие России подтверждают эти прозрения И. Берлина. Значит, тема войны (ее оправдания или осуждения) была и остается одним из важнейших разделов как ПНМ, так и способов его анализа. Между тем автор ничего не сообщает о том, как эта тема входила в состав ПНМ.

Коллега утверждает, что политический нарратив позднего Модерна утрачивает потребность в опоре на волю большинства в пользу таких способов легитимации, где указанное большинство существует уже не столько онтологически, сколько риторически конструируется в дискурсе элит. Мне представляется чрезвычайно важными два пункта этого тезиса:

– возможность трактовки легитимности как такого состояния политической системы и всех ее элементов, когда они признаются большинством населения на том основании, что обладают научной истинностью и политической правотой. Однако научная истинность и политическая правота были, есть и будут спорными. Значит, ни одна власть не может считаться полностью легитимной.

– с другой стороны, пересмотр ссылок на волю большинства как условия легитимности власти сможет реализоваться только при условии отмены контроля над избирательным процессом со стороны властвующих меньшинств и ликвидации приоритета исполнительной власти над законодательной, а также блокировки влияния юридических и военно-полицейских структур на избирательные процессы. Однако такой контроль стал повседневной практикой, в том числе в России.

Диссертант справедливо подчеркивает, что в настоящее время мир управляется политическими институтами, связанными с территориальным контролем. Но ценностные оснований современного общества лишает этических оснований политическую логику наций-государств. Я думаю для развития такого подхода можно использовать три круга идей: о территориальной власти суверенитета (М. Фуко); о государстве как суверенном убийце (М. Гефтер); о необходимости радикального сомнения в государстве (П. Бурдьё).

Во всех случаях речь идет о пересмотре истории, теории и практики государства, включая деятельность всех государственных служб, конструируемых ими «социальных проблем» и преобразования последних в социологические проблемы. Перечисленные современные мыслители единогласно утверждают, что надо отвергнуть деятельность государственных мыслителей-функционеров, гегелевскую концепцию бюрократии как «всеобщего сословия», дюркгеймовскую концепцию бюрократии как «органа мысли», а также большинство юридических трудов о государстве. Поведение большинства представителей социальных наук есть частный случай мнимой

нейтральности и бескорыстия бюрократии. Поэтому необходимо обеспечить автономию социальных наук от социального мира и государства. Если перевести эти общие тезисы на язык диссертации, то возникает вопрос: как они выражаются в ПНМ?

Виктор Сергеевич полагает, что постмодернистские теории были включены в нарратив позднего Модерна на условиях его критического самоописания. Я думаю, для усиления этого тезиса можно использовать идею М. Уолцера о главных формах отчуждения социальной критики в XX в. Речь идет о позициях радикального дуализма между нацией и критиком, критической дистанции, внутренней критики, позиционной войны с обыденной жизнью, идеологического беженца, разрыва с корнями и ненависти к любым социальным иерархиям, отказа от социума-в-себе-самом, феминистской критики и критической теории, одинокой политики как набора инструментов локального сопротивления на дне государства (в психиатрических лечебницах, больницах, тюрьмах, армии, школах и фабриках), локального интеллектуала, критика-изгнанника, который пытается даже в эмиграции удержать связь с родиной и т.д.

Возникает естественный вопрос: какие формы социальной критики преобладали в СССР и возникают в современной России в связи с радикальным изменением ее внутренней и внешней политики?

Видимо, наиболее оригинальным компонентом исследования является анализ рентно-сословных трансформаций как основы противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвигаемыми на его периферию рыночными группами, утрачивающими доступ к ресурсам и политическое влияние. По этому вопросу требуется особая дискуссия. Брошу несколько штрихов на возникающее пространство полемики.

Согласно М. Веберу, классовое положение определяется возможностью обеспечить себя благами, достичь определенной позиции и внутренней самоидентификации. Класс – это любая группа индивидов, находящихся в одинаковом классовом положении. Существует три вида классов: владения, в котором классовое положение определяется особенностями располагаемого имущества; дохода, в котором классовое положение определяется возможностями рыночного использования товаров или услуг; социальным классом называется комплекс классовых положений, между которыми возможен и происходит переход от одного к другому. «К социальным классам относятся: а) рабочие в целом – и тем более, чем более развивается автоматизация производства, б) мелкая буржуазия, в) неимущая интеллигенция и обученные специалисты (техники, коммерческие и прочие служащие, чиновники, сильно различающиеся между собой в зависимости от

стоимости их обучения), г) классы, занимающие привилегированную позицию благодаря собственности и образованию»⁶.

Вебер полагал, что указанные четыре класса существуют на всем протяжении постаграрного (промышленного) периода западной цивилизации. Этот период продолжается до сих пор. В постсоветском мире идет поиск выхода из тупика планового хозяйства и системы политического авторитаризма с тоталитарными свойствами. Данный процесс оказался связан с актуализацией веберовского наследия. Можно ли использовать концепт классов Вебера для описания постсоветской России?

Прежде всего, отметим, что подход Вебера устанавливает автономную роль экономических средств, власти и знания (образования) при определении классового положения индивидов и классовой структуры в целом. В приведенной схеме указанные факторы взаимодействуют при формировании положения и облика социальных классов. Но в цитируемом списке отсутствует крестьянство. При добавлении крестьянства концепция Вебера станет полной в объективном и intersубъективном смысле.

При характеристике изменений в России можно сказать в общем виде: на протяжении постсоветского периода произошел возврат «классов, занимающих привилегированную позицию благодаря собственности и образованию»; продолжаются преобразования неимущей интеллигенции и специалистов. В целом данные преобразования вытекают из легализации власти-собственности и контролируемого властью рынка. Свободного рынка в России до сих пор нет, его перспективы остаются неясными. Короче говоря, произошел рост числа мелкой буржуазии; не исключено, что идет процесс становления новой версии ее этоса; происходит реструктуризация и уменьшение числа рабочего класса; его политическое сознание остается неизвестным по причине господства СМИ; начинаются глубокие процессы изменения крестьянского хозяйства (разложение одних его форм и рост других); как долго протянутся эти процессы – сказать трудно.

Политическое сознание перечисленных классов остается неясным, поскольку в стране господствуют избирательная система и партийная структура, навязанные сверху. Они отражают господство бюрократии над населением, ибо гражданин до сих пор отождествляется с верноподданным, нормальной оппозиции не существует, СМИ почти полностью подчинены власти и не отражают адекватно реальные изменения.

И все же можно сказать, что в преобразованиях указанных пяти классов накладываются друг на друга две больших трансформации: выход из

---

⁶ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Пер. с нем. – М.: НИУ ВШЭ, 2016, Т.1, с.337

институтов, принципов и способов действия, присущих реальному социализму; попытка войти в новые принципы действия, типичные для социально-экономических систем Западной Европы, основанных на частной собственности, рынке и политической демократии. К тому же надо учитывать, что эти системы не стоят на месте, а продолжают совершенствоваться. Не исключено, что дальнейшее развитие в России будет зависеть от ситуации в Европе и у ближайших соседей больше, чем это сегодня можно представить. В этом смысле нынешние отношения России с Украиной симптоматичны.

Ни одна конкретная историко-социологическая форма указанных пяти классов не предрешена. Она должна ее себе выработать, находясь в свободном плавании среди лишь частично контролируемых противоположных тенденций, в рамках автохтонных обществ и международного сообщества. На мой взгляд, классы в целом будут стремиться к тому, чтобы каждый участник собственных преобразований обрел четкое политическое сознание, необходимым элементом которого является, прежде всего, **осознание отличия интересов властно-собственнического класса от интересов остальных групп населения.** Такое сознание не может принять объективную форму. Даже те классы, в отношении которых история XXI века окажется далеко не ласковой, - они все же будут стремиться сыграть роль субъектов будущих преобразований. Речь идет о множестве возникающих снизу социальных движений и политических организаций, выражающих их интересы, свободные от влияния властно-собственнического класса.

Если понимать порядок социальных классов как иерархизированный в соответствии с материальными и культурными интересами, то на вершине находится привилегированный класс благодаря собственности и образованию. Класс российской буржуазии родился на наших глазах. Но поскольку на всем протяжении советской власти его официально не существовало, то при согласии с официальной историей СССР можно говорить о реанимации властно-собственнического класса. А при несогласии с официальной историей СССР можно использовать всю линию рассуждений от К. Виттфогеля и Л. Троцкого до М. Джиласа и М. Восленского для доказательства и изучения конфликта между линиями поколенческой, культурной и имущественной преемственности, воплощенного во множестве цепей прадед-дед-отец-сын-внук-правнук. Эти линии могут быть настолько разорванными, что некоторые авторы применяют религиозные аллюзии для

описания процесса становления нового класса⁷. В данном случае решение вопроса лучше предоставить каждой отдельной цепи индивидов, чтобы они сами решили: действительно ли в России после 1991 года возник совершенно новый или возродился старый новый класс?

В общем виде можно указать пять групп и видов ресурсов, при использовании которых возникает нынешний русский капитализм: номенклатурное прошлое образует позиционный (сословный) ресурс; выполнение протокапиталистической функции по назначению политической бюрократии; создание фирм на основе личной энергии; открытие фирмы на основе личного изобретения; продвижение фирмы, существующей в советские времена. И если ограничиться ситуацией в России до 2014 года, то она обеспечила в большей степени становление грабящей руки государства вместо невидимой руки рынка⁸.

В итоге государство способствует регенерации тоталитарного режима и укрепляет тенденцию неизбежного развала России под властью номенклатуры⁹.

Таким образом, материал диссертации В.С. Мартьянова содержит множество дискуссионных и острых социально-политических проблем и может составить основу публичных дебатов, как минимум, на будущие 20 лет. Автореферат полностью представляет содержание и основные выводы диссертации. Материалы диссертационного исследования апробированы, могут быть использованы при подготовке и чтении общих и специальных курсов для студентов, аспирантов и преподавателей различных обществоведческих дисциплин и лекций для населения.

Диссертационное исследование Мартьянова Виктора Сергеевича «Историческое становление и трансформация политического нарратива модерна», представленное на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.1 – история и теория политики, полностью соответствует требованиям ВАК, в частности, пунктам 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора политических наук.

---

⁷ См.: Слезкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019

⁸ См.: Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 1. – М.: Новое литературное обозрение, 202, с.262-273

⁹ См.: Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2022; Хайтун С.Д. Номенклатура против России: эволюционный тупик. Изд.2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016, с.471-651

Отзыв направлен в диссертационный совет 24.1.143.05, функционирующий на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии Российской академии наук» (г. Москва).

Официальный оппонент:
доктор политических наук
(докторская по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки, и 23.00.03 – политическая культура и идеологии),
доктор философских наук
(докторская по специальности 09.00.03 – история философии),
профессор, главный научный сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета,
Заслуженный деятель науки РФ

 В.П. Макаренко

«25» июля 2023 г.

Макаренко Виктор Павлович
Днепровский пер., 116, Ростов-на-Дону,
Ростовская обл., Россия, 344000
Телефон 8-928-901-5337
e-mail vpmakar1985@gmail.com

*Смотреть по теме в
проф. Макаренко Ю.П.
удостоверено
М.Ч. Курочкина
Зав. кафедрой ЮФУ*

